

Изучение народной речи

Л.Я.Костючук

Свидетельства о староверческих говорах псковского происхождения в Эстонии

Внимание к русской народной речи в России и за рубежом особенно усилилось во второй половине XX века: через язык, через речь народ передает из поколения в поколение свои традиции, особенности культуры, историческое прошлое. Богатая история русского народа на протяжении обозримого прошлого, начиная с XIX века, зафиксирована в русском языке — «живом великорусском языке», как называл его В.И. Даль.

Живой народный язык откликается на условия и на изменение условий жизни народа, реагируя прежде всего своим лексическим составом на появление новых реалий, которые необходимо наименовать; на приспособление старых наименований к особенностям значений, когда человек высвечивает некоторые другие стороны понятия, и т.д.

На протяжении XIX-XX веков, включая и начавшийся XXI век, русский язык вынужден был отразить серьезные исторические события в жизни русского народа. И литературный язык, и народный язык приобретают новые особенности, касающиеся не только лексического, но и других уровней.

Костючук Лариса Яковлевна - доктор филологических наук, профессор Псковского педуниверситета им. С.М.Кирова

Изменения идут по внутренним причинам и под влиянием внешних контактов, которые испытывает язык в результате условий жизни и деятельности его носителей. Лексикографическая и картографическая фиксация языкового состояния, систематически проводимая, начиная с XIX века, позволяет выявлять языковые изменения на протяжении соответствующих временных рубежей. Ср. сведения о литературном языке XIX века в словаре В.И. Даля,¹ в неоконченном словаре под ред. Я.И. Грота,² в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова,³ в многочисленных изданиях словаря С.И. Ожегова,⁴ в Малом и Большом академических словарях русского языка.⁵ Даже при переизданиях некоторых указанных авторитетных словарей не обойтись без обнаружения фиксации специальных изменений в русском литературном языке бурных десятилетий XX века, когда изменения в лексике ярко проявили разные динамические процессы устаревания слов, отдельных значений у слов; возвращения в активный запас таких слов с соответствующими значениями, которые в свое время были уже в пассивном запасе; появление новых слов или новых значений у известных слов.⁶ Уникальной является лек-

сикографическая работа по ежегодной фиксации новых слов и значений,⁷ а затем по закреплению нового в лексике за соответствующие десятилетия.⁸

Не менее значимо изучение (а прежде всего сбор и фиксация) материала по народным говорам, которые в изменившейся социальной обстановке (проникновение условий городской жизни в сельский быт: радио, телевидение, кино; условия городской работы для молодых и людей среднего возраста и т.д.) переживают значительные изменения, особенно со второй половины XX века. А до этого годы Октябрьской революции, политических репрессий, Отечественной и Второй мировой войн заставляли людей менять место жительства, вступать в новые контакты с носителями не только других русских говоров, но и других, неславянских языков.

Интерес к русскому народному языку проявился в работе над областными словарями многих регионов Европейской и Азиатской частей нашей страны, в создании разнообразных атласов, отражающих русские народные говоры на их разных языковых уровнях: Диалектологический атлас русского языка, Общеславянский лингвистический атлас, Лексический атлас русских народных говоров и др. Создаются местные атласы: например, Архангельской области, ведется работа над Лексическим атласом Псковской области.

Уникальный Псковский областной словарь с историческими данными⁹ фиксирует не только псковские особенности XVIII-XXI веков (особенности живой народной речи), но и особенности, отмеченные в памятниках псковской письменности. Памятники псковской письменности донесли до настоящего времени местные особенности и в книжной речи (в летописных, деловых, конфессиональных и других жанрах), и в уникальных памятниках – русско-немецких разговорниках XVI-XVII веков,¹⁰ составленных немецкими купцами на территории Псковской земли для облегчения взаимного общения немецких и русских купцов не только при совершении, оформлении действий по купле-продаже товаров, но и при обычных бытовых контактах, когда можно завести разговор о

бане, о еде, о человеческих симпатиях, о религии и т.д.

Каждый новый источник по русской народной речи, имеющий отношение к псковским говорам, своевременно попадает в поле зрения прежде всего составителей Псковского областного словаря с историческими данными, а также тех, кто интересуется псковскими говорами.¹¹

В последние десятилетия XX века усилилось внимание к русской народной речи за пределами России – в государствах Балтии (Литве, Латвии, Эстонии), в Польше, в далекой Америке... Это свидетельства о так называемых островных русских говорах среди носителей нерусского языка, часто даже неславянского. Иноязычное окружение, с одной стороны, заставляло русских, попавших в такие условия, бережно и трепетно сохранять свою национальную культуру, помнить о своей истории, придерживаться своей веры (это были обычно староверы, которые в соответствующие периоды религиозной истории бежали из России от преследований за веру); сохранять русский язык своих предков. С другой стороны, носители языка на языковом уровне не могли не реагировать на влияние чужого языка.

В последние десятилетия XX века в науке было обращено особое внимание на речь староверческого населения и на территории России, в частности на Псковской земле. С конца 80-х годов XX века ученые из Литвы (В.Н. Чекмонас, Н.А. Морозова), Норвегии (Я.И. Бьёрнфлатен), Голландии, Швейцарии и некоторых других стран приезжали в Псковскую область в те деревни, где живут потомки староверов. В организации специальных экспедиций принимали участие и псковичи (Т.А. Пецкая, Л.Я. Костючук, студенты, занимавшиеся под руководством Т.А. Пецкой проблемами псковского старообрядчества). Американский коллега, приехавший в Псков более 10 лет назад и познакомившийся с той работой над псковским диалектным словом, которая ведется на кафедре русского языка нашего вуза в рамках общего научно-исследовательского проекта «Псковская народная речь в прошлом и настоящем. Ее место в общей системе русского

языка», заинтересовался у себя на родине русским языком у выходцев из России (староверов). Эти русские оказались потомками старообрядцев из Псковской губернии, переселившихся на другой континент не менее 150-200 лет назад. Их язык и культура стали объектом исследования американского доктора. И теперь, летом 2004 года, путь американского ученого снова был в Россию: пока не доехав до Пскова, он в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина при С.-Петербургском университете в Картоотеке Псковского областного словаря с историческими данными находил соответствия и объяснения ряду особенностей в речи американских русских.

И вот теперь перед нами ценное издание Тартуского университета – «Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I».¹² В аннотации сказано: «Книга издана на средства Фонда развития предпринимательства Эстонии в рамках программы местной инициативы, а также при поддержке Союза старообрядческих общин Эстонии, Общества культуры и развития староверов, культуры русского языка Тартуского университета».¹³ Ученые Тарту и Москвы (последние как эксперты – археограф Е.А. Агеева и диалектолог О.Г. Ровнова) совершили научные экспедиции в Западное Причудье для сбора диалектного и историко-культурологического материала. Труд создан на основе богатого фактического материала, записанного с помощью современной техники («около 40 часов магнитофонных записей самой разнообразной тематики»¹⁴) от 22 информантов в возрасте в среднем 70 лет и старше, которые живут в деревнях Варнья (Воронья), Колькья (Кольки), Уус-Казепяэ (Новая Казепель) и в городах Калласте и Муствеэ. Оказалось, что говоры лучше сохранились в деревнях, чем в городах. Это подтверждает известные наблюдения за судьбой современных русских народных говоров и в материковой России.

Предварительная обработка материала в целом подтверждает следующее положение: «Согласно общепринятой в диалектологии точке зрения, исконный русский говор староверов Западного Причудья относится к северо-западным акающим (псков-

ким) говорам».¹⁵ Но, поскольку «не все староверческие поселения Причудья обследованы, а между теми, которые были обследованы, заметных диалектных отличий не выявлено», исследователь О.Г. Ровнова пока использует термин «“говор” (или “диалект”) – в единственном числе».¹⁶

Солидный исследовательский том включает прежде всего Введение с двумя небольшими статьями: Кюльмоя И.П. О проекте «Исследование культуры русских староверов»; Варунин П.Г. Об изучении культурного наследия староверов Эстонии и его сохранении. Лингвист И.П. Кюльмоя и председатель Общества, имеющего отношение к культуре и истории староверов в Эстонии, вводят читателей в специфику исторически сложившейся русской диаспоры, которая сохранила на протяжении веков свою историю и культуру.

Раздел «История старообрядчества» открывается статьей Е.А. Агеевой «Из истории староверов Западного Причудья в XIX столетии (по документам Исторического архива Эстонии)» о значении самобытной культуры, о проблемах внутренней жизни старообрядческих общин Эстонии. И, поскольку «один из центральных вопросов, в последние годы волнующий исследователей, касается времени появления сторонников старой веры в Причудье», Е.А. Агеева, обнаружив некоторые документы о жизни русских староверов в этом регионе XIX века, своим прочтением и публикацией документов помогает заинтересованным читателям увидеть отдельные стороны быта и норм, проблем старообрядческого сообщества через судьбы отдельных его представителей. Читатель узнает и отношение официальных лиц разных уровней к старообрядчеству на территории Эстонии.

Раздел «Язык и культура староверов» открывается статьями лингвистов. О.Г. Ровнова («О современном языке староверов Западного Причудья») отмечает прежде всего фонетические особенности: это касается недиссимилятивного (сильного) аканья после твердых согласных и сильного яканья после мягких согласных – последнее чаще в речи пожилых информантов (80-90 лет), а в речи

более молодых одновременно может наблюдаться и иканье (ср. *при[н'а]сла — при[н'и]сла*); отмечаются случаи второго полногласия типа *четверег, столоб*; подчеркиваются особенности ударения; специфика стяжения ряда морфологических форм (*хороше колесо возьму*) и, наоборот, архаичные формы типа *разных сладостей*. И т.д. Кто занимается псковскими говорами, узнает и особенности склонения слов с суффиксом - *ишк*- (*взяли мальчишка*), и совпадения форм дательного и творительного падежей множественного числа (*бежали за козовым хвостам*), и формы глаголов 3 лица типа *придѣ, говори*. И т.д. Отмечены особенности морфолого-синтаксические: так называемый «русский перфект» (*поля все заросши*), архаическое давнопрошедшее время (*у меня была Таня родилась*). И т.д. В области синтаксиса отмечены случаи необычного управления (*Она* [т.е. молодежь] *смеют это всё: Они обедовали его* [т.е. “кормили обедом”]; *мальчишек тировала* [т.е. “досыта кормила”]). И т.д.

Интересные данные говоров требуют более внимательного изучения, тем более при сопоставлении с материалами псковских говоров (см. выпуски Псковского областного словаря, Картотеку этого словаря). Но уже и предварительные наблюдения помогают увидеть необычное, а в дальнейшем дадут возможность выяснить наиболее типичное, относительно старое или новое в говорах. Но и по предварительным наблюдениям О.Г. Ровнова делает замечание: «Диалектные синтаксические конструкции в говоре староверов Западного Причудья представлены весьма и весьма богато».¹⁷

Скромное замечание: «Представление о лексическом богатстве говора причудских староверов дает помещенный в конце книги «Список диалектных слов и выражений»,¹⁸ — не удивляет тех, кто занимается псковскими говорами (многое знакомо нам по псковским говорам на территории Псковской области): таковы явления своеобразия слов *вести/водит* (в значении ‘привозить/возить’); *думать, здумать* (в значении ‘помнить/вспомнить’); *зайти* (в значении ‘начаться — о погодных явлениях’) и др. Подобные факты отражены в выпусках Псковского областного словаря и в Картотеке словаря.

Статья И.П. Кюльмоя («О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья»), со ссылками на предшественников, подчеркивает, что «в русских говорах Западного Причудья все указанные особенности, вне всякого сомнения, поддерживаются влиянием системы эстонского языка».¹⁹

Знакомство с довольно богатым иллюстративным материалом речи русских староверов (250 страниц!) на разные темы позволяет многое узнать о жизни, истории и, конечно, о языке русских, оказавшихся за рубежом России. Весь материал собиратели постарались систематизировать в блоки («Мы — староверы», «История и судьбы», «Традиционный и современный быт») с детализированными подблоками и подпунктами. Все это позволяет, особенно после предварительного знакомства с указанными сведениями о староверах Западного Причудья, понять и оценить духовный мир, преданность своей вере и культуре, стремление следовать лучшим человеческим традициям и соблюдать нормы поведения в староверческой общине. Может быть, впервые так откровенно и не однозначно рассказывается об истории перемен власти в Эстонии в XX веке, о периоде войны... Информант-женщина, 1910 года рождения, с четырьмя классами образования (из деревни Уус-Казепяэ), вспоминает «Как вошла советская власть»: «Народу несколько [т.е. ‘много’, по-псковски], вышедцы вси на берег. Глядят, а там плоскодонные пароходы советские пришли через озеро. Яны отправились на волость [т.е. в деревню Кольки], а солдат всех выпустили суда. Начальство пошли в волость, и там кругом ещё сколько [т.е. ‘некоторое’, по-псковски] время волостные не сдавались. А всё же должны сдать, сказали, что: “Всё равно сдадитесь”. Ну, сдались. А здесь как девки сошлись с гармошкой, завяли “Катюшу”! Девки поют русские песни. Ребята и удивились: “В Эстонию въехали, а тут всё по-русски поют”».²⁰

Сами информанты сопоставляют новое и старое. Так, информант-мужчина, 1923 года рождения, из деревни Варнья, в рассказе «Сорок год рыбаком работал» говорит: «Раньше мы на лошадях ездили в озеро. Теперь сделано всё моторы да моторные колёс-

ные машинки, что в самих придумано. А раньше всё на лошадях ехать».²¹

Взрослые воспитывали детей в нравственных правилах достойного поведения: «Потом ён [дед] у нас в моленну не ходил, он брадобривец [т.е. “старовер, бреющий бороду. Еще в 1940-е годы брадобритие строго осуждалось наставниками”] был. А Софронто, такой ещё маленький мальчишка, прибежёт к бабы и говорит: “Бабушка, дед опять бороду бреёт!” – “Ну ты плут ты такой, доказываешь, наказчик ты этакий!”».²²

Любой, кто захочет узнать о человеческих судьбах (индивидуальных и коллективных) на фоне своеобразных исторических отношений староверчества и официального православия, осложненных соседством с людьми других национальностей, должен обязательно познакомиться с указанным сборником, который, судя по цифре «I», открывает серию аналогичных исследований и публикаций уникальных материалов русской народной речи староверов в Эстонии. Далее будут, видимо, углубленные лингвистические, этнографические, историко-культурологические и другие исследования. Исследователи же псковских говоров могут сопоставить языковые данные материковых (на Псковской земле) и островных (в Эстонии) говоров, проследить степень устойчивости отдельных языковых явлений, в частности и лексических. Так, например, слово *рух* в значении ‘наследство’, словообразовательный наречный дериват *рухом* ‘по наследству’ представляют старый лексический корень, содержащий сему ‘одежда’. (Ср. у М. Фасмера слово *рухо*.²³)

Сопоставление материалов разных говоров может помочь выяснить, насколько

устойчива эта лексическая единица в народной речи.

Знакомство с только что опубликованным томом, впервые представляющим в относительно большом объеме материалы по современным староверческим говорам на территории Эстонии, но имеющим исходные корни на Псковской земле, дает возможность сопоставить их со старожильческими (староверческими) говорами Литвы (которые довольно полно обследованы В.Н. Чекмонасом и его коллегами, особенно в последние годы²⁴) и, конечно, с современными псковскими говорами на территории Псковской земли и с записями псковской народной речи в XIX веке (судя по словарям XIX века²⁵). При этом в гораздо большем объеме придется учитывать то, что сделали для изучения русских старожильческих говоров в Эстонии такие исследователи старшего поколения, как лингвисты Т.Ф. Мурникова, В.В. Мюркхейн, Х.Й. Хейгер, как этнографы, историки Е.В. Рихтер, А.Х. Моора, проявившие большой интерес к смежным наукам, в частности и к археологии. Сейчас появились новые ученые, обращающие внимание на неизбежное взаимодействие русского и эстонского языков при близких контактах народов – носителей этих языков (в представляемом томе есть указание на некоторую научную литературу).

Учет лексико-семантических особенностей русской речи на одной территории на протяжении веков и на разных территориях тоже на протяжении многих веков помогает установить системные отношения в области лексики и фразеологии. Это создает возможность обогатить материал словарных статей для Псковского областного словаря, если русская народная речь имеет отношение к псковским говорам.

Примечания

1. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Тт. I-IV. М., 1956. (Фотомеханическое издание.)
2. Словарь русского языка / Под ред. Я.И. Грота. Т. I. СПб., 1895.
3. Толковый словарь русского языка. Тт. I-IV / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940.
4. Ср.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1949; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М., 1994.
5. Словарь русского языка. Тт. I-IV / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981-1984; Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1-17. М.-Л., 1948-1965.
6. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 1998.

7. См., например, издание: Новое в русской лексике: Словарные материалы 1988 / Под ред. Е.А. Левашова. СПб., 1996.
8. См., например: Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашова. СПб., 1997.
9. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-14. Л. (СПб.), 1967-2004.
10. T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970; "Einn Russisch Buch" T. Schrouego: Słownik i rozmowki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. II. Krakow, 1997.
11. См. хотя бы наши публикации в историко-краеведческом журнале «Псков» за разные годы.
12. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Тарту, 2004. 318 с.
13. Там же. С. 2.
14. Кюльмоя И.П. О проекте «Исследование культуры русских староверов» // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Тарту, 2004. С. 10.
15. Ровнова О.Г. О современном языке староверов Западного Причудья // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Тарту, 2004. С. 145.
16. Там же.
17. Там же. С. 153.
18. Там же.
19. Кюльмоя И.П. О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Тарту, 2004. С. 159.
20. Там же. С. 193.
21. Там же. С. 276.
22. Там же. С. 249.
23. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 524.
24. См. материалы в Интернет: www.artium.lt/sentik. (По указанию в статье: Морозова Н.Ф., Чекмонас В.Н. К проблеме грамматического статуса и значения сочетаний *быть*^{прош.} + л-овые формы глагола в старообрядческих говорах Литвы // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Псков, 2003. С. 223.)
25. Лутовинова И.С. Псковская областная лексика из «Опыта» и «Дополнения» к нему (по материалам к Псковскому областному словарю с историческими данными) // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Псков, 2003. С. 190-196; Поцения Д.М. Псковская лексика в прошлом и настоящем (по материалам словарей XIX-XX вв.) // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Псков, 2003. С. 256-265.